

ПРАВО

Научная статья
УДК 159.9.072; 343.9
doi: 10.17223/15617793/511/23

Криминальные технологии дистанционной радикализации молодежи в сети Интернет

Ильдар Шамилевич Галиев^{1, 2}, Вали Фатехович Енгальчев³, Екатерина Сергеевна Палеха⁴

¹ Казанский филиал Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Казань, Россия

^{2, 4} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

³ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

^{1, 2} Ildar.Galiev@tatar.ru

³ valiyen@gmail.com

⁴ katerina.paleha@gmail.com

Аннотация. Анализируется проблематика методов дистанционной вербовки потенциальных адептов деструктивных сообществ радикальной направленности из числа молодежи в информационно-цифровой среде, главным образом в сети Интернет. Описываются предикторы социального контекста, ведущие к росту личностной напряженности и депрессивности, технологизация процессов продвижения контента по принципу рекомендательной базы и ассоциативных словесных связей.

Ключевые слова: информационно-цифровая среда, вербовка, криминальная радикализация, психологический профиль, предикторы террористической деятельности, личностное воздействие

Для цитирования: Галиев И.Ш., Енгальчев В.Ф., Палеха Е.С. Криминальные технологии дистанционной радикализации молодежи в сети Интернет // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 213–221. doi: 10.17223/15617793/511/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/23

Technologies of remote radicalization: Once again on personally oriented recruitment on the Internet

Ildar Sh. Galiev^{1, 2}, Vali F. Engalychev³, Ekaterina S. Palekha⁴

¹ Kazan Branch of the Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Kazan, Russian Federation

^{2, 4} Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

³ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russian Federation

^{1, 2} Ildar.Galiev@tatar.ru

³ valiyen@gmail.com

⁴ katerina.paleha@gmail.com

Abstract. The article raises the issue of an in-depth study of the methods of remote recruitment of adherents of destructive communities of radical orientation among young people visiting social media. The article describes the predictors of the social context that lead to an increase in tension and depression, the technologization of content promotion processes based on the principle of a recommendation base and associative verbal connections. In these conditions, the authors find it particularly relevant to study specific verbal and non-verbal remote involvement in virtual destructive communities and radicalization of social network users, which became the goal of the study. It is also important to analyze the results of existing scientific studies on the methods of influencing consciousness for the purpose of radicalization, to consider these techniques in the socio-cultural context, which allows us to clarify the psychological profile of the vulnerability of an individual susceptible to radical recruitment. The material for the study was the content for 2020–2024, distributed within an open terrorist community on the VKontakte social network. In total, more than 1,500 publications of the group were analyzed. The following methods were used: analysis of theoretical literature, analysis and synthesis, comparison and generalization, logical and semantic analysis, elements of component analysis, discourse analysis, intent analysis. The community content was considered as a holistic information block that solved certain problems in stages. It was concluded that individual posts and articles published in the group were logically and consistently placed in the community and were aimed at implementing the function set by the publishers, which was generally aimed at influencing the user's consciousness. The successive stages of involving the subject in a new destructive ideology were identified and described – the stage of inciting interest and evaluation, the stage of personal selection, the stage of rebuilding, the stage of forming a new complex identity, the stage of legalizing and inciting violence. The basis for involvement is the concentric deepening of the dichotomy "we" – "they", the romanticization of criminal meanings, illogicality, poeticization and metaphoricality. As a result, the authors came to the conclusion that after a

certain time, at the level of semantics of new, introduced concepts, three types of identities – criminal, religious and terrorist – are consolidated, and an emotional-volitional readiness for destructive actions is formed.

Keywords: recruitment, radicalization, portrait, psycho-social characteristics, predictors of terrorist activity, personal impact

For citation: Galiev, I.Sh., Engalychev, V.F. & Palekha, E.S. (2025) Technologies of remote radicalization: Once again on personally oriented recruitment on the Internet. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 213–221. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/23

Введение

Современная ситуация в мире характеризуется развитием коммуникационных и нейросетевых технологий, глобальным переходом многих процессов жизнедеятельности человека в онлайн-среду. Так, согласно данным исследования, проведенного аналитической компанией IDC, объем мировых данных к 2025 г. увеличится в 10 раз по отношению к 2016 г. и составит 163 зеттабайт [1]. Изменилась информационная структура общества: прежде ограниченный список источников достоверной информации о мире и людях расширился до бесконечного числа интернет-изданий, блогов, каналов, каждый из которых выдает вольную интерпретацию фактов. Обычный пользователь, таким образом, оказывается в весьма непростой ситуации: получить достоверные данные и доступ к объективной картине мира весьма сложно, этот факт повышает общее тревожное состояние общества.

По данным Всемирной организации здравоохранения ООН, человечество столкнулось с глобальным ростом психических заболеваний, которое в СМИ окрестили «психиатрической катастрофой». Если в 2017 г. ВОЗ указывала, что психически больных в мире порядка 450 млн, то в 2022 г. данная цифра выросла до одного миллиарда. При этом нарушениями психического здоровья, по мнению авторитетных международных структур, страдает каждый пятый ребенок. Значительную часть выявляемых заболеваний составляют тревожные и депрессивные расстройства [2]. В обзоре нейropsychологических исследований, проведенном L. Wendelberg, была показана связь между состоянием экзистенциальной тревожности и риском формирования склонности к действиям террористической направленности [3].

Помимо роста уровня информационной неопределенности в мире, наблюдается увеличение деструктивного контента в социальных сетях, размещение которого зачастую имеет признаки целенаправленного воздействия на психику и может быть использовано для вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность [4–6]. Иногда это сочетается с дистанционным изучением и оперативной разработкой конкретной личности, особенно если она имеет особую политическую, социально-психологическую и иную ценность [7].

Расширение сети Интернет и доступность средств коммуникации приблизило лиц, носителей радикальной идеологии, к потенциальным заказчикам/исполнителям, облегчило им задачу выбора собственной идентичности, групповой аффилиации и подходящей деструктивной идеологии, оправдывающей, развивающей, усиливающей или переориентирующей их внутренние разрушительные интенции и побуждающий к

совершению насильственных действий на практике. Вербовщики деструктивных сообществ, в свою очередь, получили невозможные ранее инструменты для кооперации, разработки и распространения вербовочного контента, дистанционного поиска, отбора и привлечения потенциальных участников, их мотивации, налаживания каналов связи между ними и под. В этой связи отметим характерное совпадение по временному периоду тенденций роста террористической активности: по данным исследования А.Н. Cordesman, в 1970 г. – 175 инцидентов, в 2013 г. – 170 350 [8].

В указанных условиях весьма актуальным становится изучение особенностей дистанционного вовлечения в виртуальные деструктивные сообщества и радикализации пользователей социальных сетей. Анализ результатов имеющихся научных исследований о методах воздействия на сознание в целях радикализации, рассмотрение этих приемов в социокультурном контексте позволят уточнить психологический профиль уязвимой личности, подверженной радикальной вербовке.

Вместе с тем стоит сделать оговорку. Как метко заметили в одной из работ С. McCauley, S. Moskalenko, «плохие идеи не похожи на “нюхательную соль”, вдохнув которую, человек обязательно произведет радикальные действия» [8, 9]. Иными словами, радикальность потребляемого контента, мышления и даже до определенной степени взглядов не однозначно определяет дальнейшее преступное поведение личности, однако указанные факторы в совокупности могут стать необходимым компонентом в случае наличия других составляющих, определяющих деструктивные паттерны личностного поведения.

По данным А.Э. Яшлавского, Андерс Брейвик (неонацист, организатор взрыва в Осло в 2011 г.) изучал праворадикальные идеологические материалы в сети Интернет самостоятельно и достаточно долгое время [10]. Однозначно судить о том, что потребляемый контент сформировал готовность к террористическим действиям нельзя, однако подобного рода информация могла бы стать сигналом для правоохранительных органов и социальных служб, будь она известна до трагедии.

Материалы и методы

Материалом исследования послужил контент за 2020–2024 гг., распространяемый внутри открытого сообщества террористического толка в социальной сети «ВКонтакте». В общей сложности было проанализировано более 1500 публикаций группы. Были использованы методы анализа теоретической литературы, анализа и синтеза, сравнения и обобщения, логико-семантического анализа, элементы компонентного анализа, дискурс-анализ, интент-анализ и др.

Теоретическая изученность вопроса

Феномен вербовки в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет объектом исследования специалистов гуманитарных сфер знания стал не так давно. Предметом изучения отечественных психологов, к примеру, становятся личностные, психологические и социальные особенности лиц, на которых обращают внимание вербовщики. И.Б. Гайворонская, Т.Ф. Фомина, Б.А. Аманжолова и другие дают следующее обобщенное описание: «...не вполне самостоятельные индивиды, склонные к внушению, преимущественно подростки и студенческая молодежь, имеющие недостаточные знания религиозных текстов» [11]. Р.Л. Ахмедшиным, О.Ю. Ананьиным, А.А. Базулиной, А.В. Жулановым выделено несколько психологических типов, наиболее подверженных деструктивному влиянию радикальной направленности: «...либо замкнутые, либо амбициозные, нереализованные максималисты, чувствующие себя непонятыми, непризнанными, недооцененными; те, кто испытал острый или хронический стресс (конфликты, череду неудач, потерю близкого, развод родителей, тюремное заключение); легко внушаемые; молодежь, ищущая смысл жизни или авторитет для подражания» [12; 13. С. 293].

С.В. Пазухина предлагает группировать факторы-предикторы, формирующие те социально-психологические особенности, из-за которых молодые люди наиболее часто становятся объектом воздействия в деятельности, направленной на распространение экстремистской идеологии. Так, к индивидуально-психологическим особенностям отнесены следующие факторы: *когнитивные* – это сознательные представления, оправдывающие применение зла и насилия для достижения нужных вербующему целей; *эмоционально-волевые* – неотработанные эмоции обиды, унижения, нереализованные желания, состояние фрустрации, острое чувство непонятости, одиночества, покинутости и др.; *мотивационные* – бессознательные агрессивные установки, стереотипы агрессивного поведения [14].

О.Е. Беркович и коллеги процесс вербовки в диверсионно-разведывательные группы и террористические организации описывают через два важнейших механизма подавления воли вовлекаемого – это «формирование разбалансированности эмоционального состояния» и «снижение волевого контроля» [15].

Другая группа исследователей – А.Ю. Карпова, А.О. Савельев, А.Д. Вильнин, Д.В. Чайковский – используют ресурс междисциплинарного подхода в изучении процесса онлайн-радикализации, фокусируются на группе молодежи, активно использующей социальные медиа [16]. Как оказалось, привлечение подписчиков, проявляющих активный интерес к информации о разрушительных действиях, а также о лицах, совершивших данные преступления, осуществляется по определенным алгоритмам, реализации которых спо-

собствует настроенный автоматически таргетинг социальных сетей, поддерживающий и лоббирующий однажды (возможно, случайно) проявленный интерес пользователя к асоциальному контенту по принципу ассоциативной выдачи новой порции условно похожей информации. Наиболее явно такое «нагнетение» выдачи подобного материала наблюдалось в так называемых группах смерти: проявлявших даже минимальный интерес к тематике суицида подростков мгновенно буквально «заваливали» текстовыми, видео- и фотовариациями на заданную тему, фактически создавая замкнутую сферу из однородного, крайне депрессивного контента, которая сама по себе вела потребителя к «желаемому» действию. При этом центром управления по выдаче контента должен быть признан искусственный интеллект.

В подобного рода открытых массовых группах используется принцип поэтапного вовлечения пользователей, проявляющих интерес к специфической тематике. Постепенно, шаг за шагом они оказываются читателями/зрителями контента более закрытых, частных сообществ. Для маршрутизации этого процесса используется технология ARG (alternative real games): субъекты пошагово вовлекаются в выполнение «игровых» заданий в реальной жизни, а финальное задание «игры-бродилки» может оказаться реальным суицидом или разрушительными действиями. Этот механизм в сленге вербовщиков имеет название «воронка вовлечения» и используется по аналогии с «воронкой продаж» в маркетинге.

Важным компонентом описываемых процессов является так называемый эффект Вертера, который приводит к кластерному суициду при публичном распространении детальной информации о способах и мотивах самоубийства. Поданная соответствующим образом информация расширяет круг потенциальных агрессоров за счет лиц, рассматривающих самоубийство как способ решения своих жизненных проблем.

Исследователи Р.О. Галиева и Е.С. Палеха рассмотрели совокупность интра- и экстра-факторов, формирующих деструктивное поведение радикального толка среди учащейся молодежи. К ним были отнесены: особенности личности, актуальная жизненная ситуация, образовательная среда, интернет-контентные предпочтения [17, 18].

В целом, большинство исследователей фиксируют высокую степень распространения и популярности шок-контента в группах, представляющих сторонников большинства насильственных идеологий (особенно в большом объеме встречается в пабликах «колумбайн», МКУ, ИГИЛ¹), что позволяет говорить о наличии соответствующего фильтра восприятия. Н. Дойдж, например, пишет о том, что центры удовольствия и боли могут установить нейронную связь в результате действия защитной реакции на регулярное воздействие болевых факторов, которые человек не мог нивелировать физически или избежать [19].

¹ Признаны террористическими и запрещены на территории Российской Федерации.

В результате человек испытывает приятные эмоции при просмотре кадров изуродованных тел, взрывов, картин смерти. Высокая частота обработки такого контента позволяет ему преодолеть порог социальных и личностных запретов на насилие. Кроме того, распространение шок-контента в группах с деструктивной идеологией может использоваться для привлечения в них лиц с уже сниженными способностями к эмпатии и дополнительного развития этой дисфункции, что облегчает процесс их вовлечения в насильственные действия.

Результаты исследования

На следующем этапе исследования нами было изучено одно открытое тематическое сообщество террористического толка в социальной сети «ВКонтакте». В целях недопущения популяризации идеологии деструктивных групп название паблика не указывается, цитаты приводятся в сокращенном виде и исключительно в научных целях. Целевая аудитория группы – лица в возрасте 14–30 лет, мужчины и женщины, испытывающие разрыв с реальностью, окружением.

Анализируемый контент рассматривался нами как целостный информационный блок, решающий определенные задачи поэтапно; отдельные посты и статьи, публикуемые в группе, логически последовательно размещались в сообществе и были направлены на реализацию заданной публикаторами функции, в целом направленной на оказание влияния на сознание пользователя.

Первичный тематический блок наиболее ранних по времени размещения сообщений был направлен на первоначальное привлечение лиц, имеющих определенный способ восприятия реальности и аддикции, – условно назовем этот блок этапом **пробуждения интереса и первичной диагностики**. Приоритет отдавался лицам, имевшим криминальный опыт, «тюремную» идентичность, а значит, и опыта противостояния закону, способности нарушения общественных норм, наличия несогласия с нормой и внутренних психологических конфликтов. Авторами сообщений использовался прием подстройки через: 1) создание «мы»-субъекта и 2) романтизацию мнимого общего прошлого (например: *«то, что мы творили на улице, было, и в самом деле, искусством»*; *«вы учили меня воровать, а я знал, что там, где вы учились, я преподавал»*; *«время недобродяг и разгульных девиц»* (здесь и далее курсивом выделены примеры-цитаты из публикаций сообщества во «ВКонтакте». – Авт.)). Словесный ряд находил подкрепление в невербальном сопровождении (фотоизображение погони полицейской машины за автомобилем «Лада»; фото молодых парней, сидящих на лестнице в позах и одеждах, ассоциирующихся с участием в организованных преступных группах 1990-х гг.).

На следующем этапе – этапе **личностного отбора** – актуализировался дополнительный смысловой паттерн, цепляющий лиц, у которых, в дополнение к криминальному прошлому, имеется один из типов личностной уязвимости человека (термин наш. – Авт.):

– актуальный внутренний психологический конфликт: *«под маской жесткого сарказма скрывается едва дыша давно уставшая от мира, и заглубившая душу»; «я проснулся, тонущий в боли, и не мог изменить исход, я снаружи казался веселым, а внутри был давно уже мертв»; «твое сердце – это сад. Выдерни в нем все цветы и засыпь в землю соль, чтобы там больше никогда ничего не выросло»; «запакуйте, я полностью разорван»;*

– низкая самооценка: *«да кому я вообще нужен»; «поистине, я знаю сотню благих качеств человека, ни одно из которых я не обнаруживаю в себе»;*

– убежденность в собственной ненужности, отверженности: *«таких как я, увы не любят, таких как я увы не ждут»;*

– наличие паттерна страдания от собственных агрессивных и депрессивных проявлений: *«ты не в состоянии остановить бурю, которая разыгралась в тебе»; «в душе пропало равновесие: ранним утром агрессия, ночью начинается депрессия»;*

– острое переживание грусти и одиночества: *«грусть пустила корни в сердце: маэстро, сыграйте что-нибудь печальное»; «прошу, не лезь в мое одиночество»; «лежу в своем саду, лежу совсем один, вокруг меня лишь мрак, вокруг одна лишь грусть»;*

– переживание недавнего разочарования: *«вы скоро утонете в своей зависти и лжи»; «от ваших сплетен... устал...»;*

– актуализированное чувство вины или стыда: *«я так устал от самого себя: грехам потерян счет»; «ты сам виновник своих мучительных страданий»; «не ставлю себя в пример, я сам для себя лицемер»;*

– жажда искренних отношений и невозможность получить их: *«дайте мне глоток искренности / вечно с улыбкой, но с погубившей душой»;*

– дезориентация в смысловом пути или утрата смысла жизни: *«сбит с толку»; «о Боже, что я делаю со своей жизнью»; «искал, но не нашел / я честно хотел видеть смысл»;*

– сниженная способность к эмпатии и враждебность к миру: *«ты грубый и недружелюбный, ты даже не здороваешься»; «нет у меня ни любви, ни нежности, ни чувств»;*

– суицидальное настроение: *«уже ничего не волнует... теперь потерял интерес... ведь гложет боль и скука... я тихо жду свой конец...»; «в следующем году меня скорее всего, тут не будет» и т.п.*

Отметим предпочтение, во-первых, поэтической форме выражения, очевидно, как наиболее суггестивно емкой, способной обойти логику восприятия, и, во-вторых, агрессивному визуальному сопровождению (лужи крови, пронзенные ножами черепа, силуэты людей на краях крыш высоких зданий и проч.).

Все указанные концепты эмоциональной уязвимости человека связываются с идеей противопоставления «я» субъекта миру, социуму, ближайшему окружению (например: *«простите, я не тот, кто вам нужен»; «я родился в ненужное время, в этой страшной, кровавой войне»*). Это противопоставление становится повторяющейся базой для той модели мира, которая создается авторами паблика.

На третьем этапе производилась *отстройка* от прежних криминальных взглядов в пользу новых – лучших, более «чистых», религиозных. Формирование новой идентичности осуществляется через смыслы, которые имеют не только эмоциональную компоненту, но и логическую:

- введение концепта «религия» в смысловое поле субъекта: *«наша религия – это честь, а мы оставили ее, ради чего? Ради бластной жизни и гангстеров?»*;

- критика прежнего образа жизни и намеков на необходимость перемен: *«пора менять маски, приятель, кто ты сегодня, лицемер или предатель?»*; *«я счастлив, я очень счастлив, я был кяфиром (пречист Аллаха)»*; *«новогоднее настроение осталось примерно перед гневом Аллаха и огнем ада»*; *«взгляни назад, и посмотри как ты живешь»*;

- подстройка под свойственную для криминального сознания ценность отношения к матери, усиленную религиозными аргументами: *«ты та – которая дала мне жизнь... все это твоя заслуга – мам / клянусь Аллахом братья, ценность матери очень велика»*; *«Аллах запретил вам непослушание, непочтение и черствость по отношению к вашим матерям»*;

- убеждение, что религия является единственным способом прекратить страдания: *«быть может, благодаря обращению к моему Господу я не буду несчастен»*; *«душевные раны залечить вы не в силах, обратись же к Нему, ведь он все слышит»*;

- создание новой, альтернативной, позитивной идентичности: *«кто раскаивается и поступает праведно, тот действительно возвращается к Аллаху»*; *«тут слова на ветер не пускают, смайл скрепленных мечей»*;

- введение концепта «возмездие» в загробном и реальном мирах: *«грехи – это раны, а множество ран приводят к смерти»*; *«ты хочешь спастись, но ты идешь не по пути спасения»*; *«распустились девочки, как сирени в саду / и будут они углями в аду»*; *«воистину Аллах примет покаяние человека, пока не наступит момент смерти»*;

- актуализация апокалиптических переживаний: *«Близится час Судного дня»*; *«закрой окно, закрой скорей! Я слышу стон, молись все!»*;

- введение идеи необходимости подчинения высшему авторитету: *«достаточный почет для тебя – то, что ты являешься Его рабом / и достаточный повод для гордости для тебя – то, что Он – твой Господь»*;

- убеждение в тотальности контроля за поведением: *«Аллах за всем следит, даже за черным муравьем на черной горе в черную безлунную ночь / Неужели ты думаешь, что Он оставит тебя без внимания»*;

- обещание награды за соблюдение религиозных предписаний: *«кто прослушает аят из книги Аллаха, это будет светом для него в Судный День»*;

- побуждение к исполнению религиозных обрядов: *«кладбища забиты могилами тех, кто говорил: завтра начну молиться... ты следующий?»*; *«совершай молитву, пока молитву не совершили над тобой»*;

- формирование чувства вины за неисполнение предписаний: *«и даже шайтана не вините в своих грехах, он лишь позвал, а вы повелись»*; *«подумай о своих*

грехах»; *«Аллах дал всем чистые сердца, не сберегли мы их от греха»*; *«когда вера ослабнет в сердцах, когда буду бояться молиться... пусть пули окажутся в наших телах, чем будут сердца в них испуганно биться»*;

- введение требований и моральных предписаний: *«закрывайте тела, а не профиль»*; *«соревнуйтесь же в благих деяниях»*; *«поистине мужчины, что на женщину глазеть стремятся, подобны псам, что вокруг мяса бродят и толпятся»*; *«каким бы грешником ты ни был – молись»*;

- мотивация на преодоление трудности на религиозном пути: *«пусть не печалят вас трудности, верующие, подумайте о тех, у кого есть все, но нет веры»*; *«пусть даже каменные горы расплавятся в огне сражений, но никакие в мире орды нас не поставят на колени»* и под.

Важно, что на этом этапе разделение мира на «мы»-группу, поддерживающую субъекта и его новые религиозные взгляды, и «они»-группу из прошлого окружения, тех, кто не разделяет взгляды субъекта, усиливается. Теперь авторы контента используют несколько взаимодополняющих смыслов, чтобы сформировать представление о новом окружении (ингруппе), например:

- имплицитное указание на необходимость разрушения прежних социальных связей, отдаление от общества под предлогом его безнравственности: *«не привыкай и не привязывайся к тому, с чем вскоре расстанешься, а привыкай и привязывайся к Тому, Кто всегда с тобой»*; *«терять людей – норма, главное себя не потерять»*; *«покидаю берег бесконечных истерик, где вы вращались, а я верил»*; *«зачем тебе толпа, если Аллах всегда рядом»*;

- ставка на разрушение прежних дружеских, романтических, семейных связей с лицами, не поддерживающими новые установки субъекта и его картину мира: *«где твои друзья, которым ты помог?»*; *«прискорбно, но факт – самую сильную боль нам причиняют те, кто нам дорог»*; *«удивительно, как кусок ткани на голове может сделать тебя врагом даже в глазах собственной семьи»*;

- обвинение аутгруппы в грехах и во враждебном отношении к целевому субъекту: *«мы займемся деяниями, которые они совершили, и обратим их в развешенный прах»*; *«поступки ваши, вернутся бумерангом»*;

- создание модели новых «своих» («семьи») или так называемая бомбардировка любовью за счет использования формы внутрисемейного обращения: *«родные подписчики, я люблю вас ради Аллаха»*; *«на улице холодно стало, теплых снов, солнышки»*; *«волшебных снов, братья и сестры»*;

- убеждение адресата в наличии безусловной эмоциональной поддержки в кругу новых «своих»: *«и поражениями твоими я буду гордиться на уровне побед»*;

- переориентация на доверительное или романтическое отношение только с лицами, придерживающимися аналогичных ценностей, в том числе в контексте совместного участия в вооруженных действиях: *«мы сотворили вас парами»*; *«Всевышний Аллах сказал: “вы сотворены парами”»*; *«вдвоем против всех и всегда»*; *«найди свою и успокойся»*.

Противопоставление нового и старого окружения доводится до уровня несогласия в ценностях, эмоциях, переживаниях, целях существования. Невербальный уровень ориентирован на создание положительного схлестывания с новой группой «своих» (используются эмодзи-сердечки, фотоизображения обнимающихся котят, пары из мужчины и женщины в закрытой религиозной одежде).

На следующем этапе новая религиозная идентичность получает **агрессивную маркированность** и **дополняется акцентом на важности враждебного** отношения к аутгруппе – всем другим, не поддерживающим религиозные взгляды. В этих целях используются следующие уровни семантизации:

- создание устойчивой ассоциации новой группы с понятиями физической силы, войны: *«и наилучшие из вас те, которые не пропускают молитвы»* (надпись на изображении рядов молящихся мужчин в военной форме);

- убеждение во враждебности окружающего мира и необходимости отвечать на агрессию агрессией: *«забудь то, что тебе говорили: среди хищников, будь лучшим из них и всегда бей первым, чтобы не били тебя»*; *«вся военная пропаганда, все крики, ложь и ненависть, исходят всегда от людей, которые на эту войну не пойдут»*;

- формирование запрета на открытое проявление гнева и перевод враждебности в аффективную форму: *«если гневаешься, то молчи»*; *«улыбаться, зная что твой мир рушится, это и есть талант»*; *«кто молчит, тот спасен»*.

Последняя группа утверждений выглядит алогичной с позиций общезыковой логики, однако воспринимается как афоризмы.

На следующем этапе дополненная враждебностью новая религиозная идентичность обогащается рядом установок, повышающих предрасположенность личности **к насильственному поведению**. Для этого на когнитивном и эмоциональном уровнях формируется система новых убеждений:

- в том, что вооруженный конфликт является единственным способом отстоять интересы: *«порой нет смысла говорить правду, каждый слышит то, что хочет слышать»* (фото подложки – люди с оружием в руках);

- вооруженные действия допустимы, когда совершаются во имя религии: *«когда есть поддержка Аллаха, можно справиться с любой проблемой»*; *«душу – Аллаху, жизнь – отечеству, честь – никому»* (фоновое изображение – вооруженные люди в военной форме на бронированных автомашинах пехоты);

- имеются прямые религиозные предписания, обязывающие участвовать целевого субъекта в насильственных действиях: *«мы покинули наши дома только ради того, чтобы распространить Шариат Аллаха»*; *«Только ты Аллах воин»*;

- физические страдания – норма на пути достижения высоких целей: *«вы не жаловались даже когда чеплюсть слетала»*; *«нет страха, нет боли, есть дух, есть мужество, есть сила воли»*; *«гори, чтобы светить»*;

- жизнь не имеет ценности, она – воля Всевышнего и инструмент достижения награды после смерти: *«не ищите счастье в мирской дунье, здесь его нет»*; *«не теряйся, мой брат, и знай, наша жизнь лишь стремление в рай»*;

- смерть – награда, освобождение от мирских страданий: *«скоро исчезну с концами, я просто странник, я скоро уйду»*; *«разрушительница наслаждений – смерть»*; *«душа покидает тело взамен обрета покой, подожди от силу немного и ты вернешься домой»*;

- каждый умерший во славу Всевышнего – герой: *«дождь поливал свинцовые семена, посеянные в мертвые тела»*; *«и те сердца, что пулями пробиты, в горах сверкают пламенным огнем / и пусть кому-то быть из нас убитым, но никому из нас не быть рабом»*; *«герой умирает однажды, а трус каждый день»*; *«я могу умереть, но я не смогу сломаться»* и под.

Визуальный ряд этого этапа становится еще более романтичным (дуло автомата, в которое воткнуты цветы) и военизированным (изображения солдат, оружия, поля брани).

Далее следует новый этап – **формирование новой сложной идентичности** с нужными Всевышнему и ингруппе качествами ради достижения индоктринируемых целей:

- волевые качества: *«мы падаем, чтобы встать снова»*; *«не даются тебе испытания, которые ты бы не выдержал»*;

- терпение по отношению к своим: *«ради Господа твоего будь терпелив»*; *«Всевышний посылает нам испытания, чтобы укреплялись, а не отчаивались»*;

- смелость, доходящая до бесстрашия, готовность к действию: *«мужчину ценят по его поступкам, которые говорят за него, а не по словам, которые бегут впереди него»*; *«скупой платит дважды, а трус – постоянно»*; *«будь горд и опасен, будь смел и прекрасен»*; *«пусть мужество не покинет нас, пока душа не покинет наше тело»*; *«докажи что нет трусости в твой породе»*; *«избавься от страха, будь подобен львам»*; *«героям рай, трусам ад»* и др.

Примечательно, что на этом этапе все чаще звучат альтернативные предписания вроде *«либо смоги, либо умри (смайл меч)»*, *«будем либо сиять, либо сгорим»*, *«нас называют ворами, убийцами террористами, но они не посмели назвать нас трусами»* – так проверяется готовность к реальному действию. Ключевым минус-концептом становится «трусость», которому противопоставляется набор описанных выше качеств новой личности: смелость, бесстрашие, воля, терпение к боли и страданиям. Таким образом на уровне семантики новых концептов происходит **консолидация трех типов идентичности** – криминальной, религиозной и террористической (первые две оформились уже на первых этапах, последняя присоединилась к ним по принципу сходства и на этом этапе называется, но пока косвенно, непрямо).

Затем следует этап **легализации/оправдания насилия как формы правды, силы, истины**. Так, его рекомендуется использовать:

- в бытовых ситуациях: *«если я увижу мужчину с моей женой, я разрублю его мечом без прощенья»*; *«однажды ты спросишь, что я люблю больше – тебя или ножи? И я отвечу – ножи. Ты уйдешь, правда, недалеко»*;

– при взаимодействии с людьми: *«если я плохой, покажите мне хороших»* (фоновая картинка: мужчина в маске джокера и с топором в руках);

– как оружие мести: *«наши шрамы зацветут цветами не забудем кто это сделал с нами»; «все бумерангом, двуличные мрази»;*

– как форма праведного возмездия: *«пришло время заплатить за все ваши грехи, жестокое прикосновение закончит мир лжи».*

На заключительном этапе ведется **явное и скрытое, прямое и косвенное побуждение к насилию** через:

– визуальную и смысловую подстройку под криминальную романтичную самоидентификацию: *«порвана рана и с душой хулигана»; «запомни меня молодым, запомни меня горячим»;*

– общую романтизацию вооруженных действий: *«им не понять тот ветер, что веет в горах, мы вдыхаем свободу, а они чувствуют страх»* (фоновое изображение – мужчина в арабской одежде с автоматом на прицеле); *«ты стал былью»* (фоном – труп в военной машине);

– прямые и аллегорические призывы к насилию: *«иди вперед и ничего не бойся»; «наступайте, наступайте»* (фоном – говорящий по рации мужчина в балаклаве с автоматом в руках); *«вставай герой, победным маршем по всей планете мы пройдем / самим Всевышним силой данной над миром меч мы пронесем»* (фоном – вооруженные люди в военно-полевой форме, совершающие намаз).

Параллельно с двумя-тремя заключительными этапами начинает внедряться тематика из **политической повестки**. Постепенно формируются установки, повышающие predisposedness к **политически мотивированному протестному вооруженному насилию**. Средствами воздействия выступают:

– облигаторно негативный образ России и государственной власти: *«утопаю среди лицемерия / бежать некуда»* (фоном – карта территории Российской Федерации); *«для каждого места есть нужное слово, для каждого Майдана есть достойный мужчина»;*

– нивелирование страха перед представителями правопорядка и тюремным заключением: *«золото не ржавеет в земле – воин не погибает в могиле»* (фоном – изображение верующего, совершающего намаз, в земном поклоне перед группой сотрудников правоохранительных органов); *«будь беспощаден к своему врагу, он, как и ты, дорогой воина идет»; «не страшны нам казематы, где предстоит нам медленно треть, и не спугнет нас количество ваше, мы берем вас всех духом и что же теперь?»;*

– дискредитация представителей правоохранительных органов и внедрение идеи «плохих убивать можно»: *«а кем вы себя возомнили? пустая серая душа, и просто биомасса»* (фоном – рука с пистолетом, направленным в спину человека в полицейской форме);

– формирование убежденности неизбежности позитивных изменений в будущем: *«сквозь мрак воссияет солнце / Человек получит только то, к чему он стремился»;* *«и богом нам вечный рай обещан, наш мир полнотью соткан из трещин».*

На данном этапе романтическая аллегоричность, псевдологичная аргументативность, получает крайнее проявление и становится похожей на поэтический романтизм, например: *«сквозь горы сияло нам солнце свободы»; «Волк слабее тигра, но волки в клетке не сидят».*

Однако подобного рода контексты регулярно перемежаются с воинствующей апологетикой, описанной выше.

Проведенный анализ позволяет предположить использование описанных приемов информационно-психологического воздействия на русскоязычное население при активном участии внешних модераторов, регулирующих интенсивность и частоту деструктивных информационных потоков: базовый контент депрессивных групп (так называемых групп смерти) формировался за пределами России, одновременно и перекрестно продвигались группы, в контенте которых акцентировалась неприглядность отечественной глубинки, критиковались и обесценивались символы российской государственности, демонстрировались сцены насилия над сотрудниками российских правоохранительных органов, сопровождающиеся критическими, уничижительными или обесценивающими комментариями. Вероятно, данные свидетельства являются отражением непубличных целей и направлены на расширение негативного, враждебного отношения к стране в целом, фокусировку агрессии на силовиках, признание насильственных действий по отношению к ним прежде всего допустимыми, обоснованными и желательными.

Заключение

Деструктивно маркированный контент по-прежнему активно распространяется в информационно-цифровой среде и ориентирован на молодых людей с актуализированными переживаниями одиночества, отверженности, находящихся продолжительное время в подавленном состоянии из-за обострения внутриличностного или межличностного конфликта. Контент помогает усиливать депрессивные и фрустрационные тенденции в психике целевого субъекта. Депрессивная акцентуация накапливается, и ее фокус перенаправляется на внешние объекты (страна, органы власти, родственные связи), которым приписывается тотальная субъектно ориентированная враждебность, которая становится мотивирующей базой для разрушения и уничтожения. Для усиления эффекта и обхода критического мышления используются ссылки на религиозных авторитетов и цитаты из канонических исламских писаний, а также колоритный визуальный ряд.

Совмещение противоречивого текста и доброго, часто наполненного позитивными эмоциями визуального оформления преследует одну цель – обойти контроль критического мышления, создать прочные позитивные ассоциации с новой группой, новой идентичностью и оказать мягкое успокаивающее воздействие. В результате целевой субъект приходит к стадиям «привыкания», «принятия» и «подстройки»: восприятие насилия сменяется с привычно негативного сначала на нейтральное, затем – на новое положительное.

Такая подача параллельно решает и другую задачу: создатели и распространители материала избегают

прямых призывов к насилию, отсюда соотнести их действия с антиэкстремистским законодательством становится сложнее. Поэтому необходима разработка новых

правовых критериев оценки вовлечения в деструктивную деятельность, в том числе путем использования возможностей гуманитарной и судебной экспертизы [20].

Список источников

1. Объем данных всего мира к 2025 году увеличится в 10 раз к 2016. 28 мая 2019 г. // Aftershock: каким будет завтра. URL: <https://aftershock.news/?q=node/758635&full> (дата обращения: 09.09.2024).
2. Около одного миллиарда человек страдают психическими расстройствами. 17 июня 2022 г. // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/06/1426022> (дата обращения: 09.09.2024).
3. Wendelberg L. Brain and Body "Fingerprints" of Existential Anxiety and Their Relevance for the Identification of Potential Terrorists: A Research Note // *Perspectives on Terrorism*. 2020. Vol. 14, Is. 1. P. 39–53.
4. Палеха Е.С. Эволюция директивного дискурса: способы формирования агрессивной модальности // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2012. Т. 154, кн. 5. С. 179–188.
5. Палеха Е.С., Садыкова А.А. Комментарии пользователей социальных сетей: еще раз к вопросу об агрессивном тексте // *Филология и культура. Philology and culture*. 2018. № 2 (52). С. 98–101.
6. Палеха Е.С. Лингвоэкология как фактор информационно-коммуникативной безопасности в сети Интернет // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2019. Т. 161, кн. 5–6. С. 117–126.
7. Енгальчев В.Ф. Дистанционная психодиагностика личности: история, методы, предмет // *Современные психотехнологии в образовании, бизнесе, политике : материалы Междунар. науч.-практ. конф.* 2001. С. 99–101.
8. Cordesman A.H. *Global Trends in Terrorism: 1970–2016*. 2017. URL: https://csiswebsiteprod.s3.amazonaws.com/s3fspublic/publication/170828_global_terrorism_update_0.pdf (дата обращения: 09.09.2024).
9. McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism // *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20, № 3. P. 415–433. doi: 10.1080/09546550802073367
10. Яшлавский А.Э. Ультраправый терроризм на Западе в XXI в.: тенденции и особенности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 12. С. 5–14. doi: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-5-14
11. Ананьев И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет // *Психология и право*. 2020. Т. 10, № 4. С. 152–165. doi: 10.17759/psylaw.2020100411
12. Ахмедшин Р.Л. Профилактика террористической активности: криминологический, уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 437. С. 197–204. doi: 10.17223/15617793/437/28
13. Ананьев И.Б., Базулина А.А., Жуланов А.В. Вербовка молодежи в террористические организации посредством социальных сетей: проблемы профилактики // *Вестник экономической безопасности*. 2022. № 5. С. 290–295. doi: 10.24412/2414-3995-2022-5-290-295
14. Пазухина С.В. Психологические основы психолого-педагогической профилактики экстремизма и протестного поведения в молодежной среде // *Психология и право*. 2023. Т. 13, № 2. С. 206–223. doi: 10.17759/psylaw.2023130215
15. Беркович О.Е., Матрешина Е.Б., Романова Д.М. Психологические особенности противодействия вербовке в диверсионно-разведывательные группы и террористические организации // *Актуальные вопросы права, экономики и управления : V Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с междунар. участием (Ульяновск, 21 апр. 2023 г.) / редкол.: Т.А. Макарова [и др.]. Чебоксары : ИД «Среда», 2023. С. 252–254.*
16. Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 159–181. doi: 10.14515/monitoring.2020.3.1585
17. Палеха Е.С., Галиева Р.О. Психолингвистические маркеры религиозно-политических девиаций // *Альманах Казанского федерального университета. Психология девиантного поведения: междисциплинарные исследования и практика : сб. науч. тр. Первой междунар. науч. школы (Казань, 26–27 мая 2016 г.) / под ред. А.И. Ахметзяновой. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 45–50.*
18. Галиева Р.О., Палеха Е.С. Предпосылки радикализации и вовлечения учащейся молодежи в деятельность террористических организаций // *Казанский педагогический журнал*. 2019. № 3(134). С. 108–114.
19. Дойдж Н. Пластичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга. М. : Бомбора, 2024. 576 с.
20. Енгальчев В.Ф., Конева Е.В., Симонова С.В., Тарусина Н.Н. Значение гуманитарной экспертизы в юридической психологии и криминалистике // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 482. С. 244–251. doi: 10.17223/15617793/482/26

References

1. Aftershock. (2019) Ob'em dannykh vsego mira k 2025 godu uvelichitsya v 10 raz k 2016 [The volume of global data will increase 10-fold by 2025 compared to 2016]. *Aftershock*. 28 May. [Online] Available from: <https://aftershock.news/?q=node/758635&full> (Accessed: 09.09.2024).
2. Novosti OON [UN News]. Okolo odnogo milliarda chelovek stradayut psikhicheskimi rasstroystvami [About one billion people suffer from mental disorders]. *Novosti OON* [UN News]. 17 June. [Online] Available from: <https://news.un.org/ru/story/2022/06/1426022> (Accessed: 09.09.2024).
3. Wendelberg, L. (2020) Brain and Body "Fingerprints" of Existential Anxiety and Their Relevance for the Identification of Potential Terrorists: A Research Note. *Perspectives on Terrorism*. 1 (14). pp. 39–53.
4. Palekha, E.S. (2012) Evolyutsiya direktivnogo diskursa: sposoby formirovaniya agressivnoy modal'nosti [Evolution of directive discourse: ways of forming aggressive modality]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 5 (154). pp. 179–188.
5. Palekha, E.S. & Sadykova, A.A. (2018) Kommentarii pol'zovateley sotsial'nykh setey: eshche raz k voprosu ob agressivnom tekste [Comments of social network users: once again on the issue of aggressive text]. *Filologiya i kul'tura*. 2 (52). pp. 98–101.
6. Palekha, E.S. (2019) Lingvoekologiya kak faktor informatsionno-kommunikativnoy bezopasnosti v seti Internet [Lingvoecology as a Factor of Information and Communication Security on the Internet]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 5–6 (161). pp. 117–126.
7. Engalychev, V.F. (2001) Distantcionnaya psikhodiagnostika lichnosti: istoriya, metody, predmet [Remote psychodiagnostics of personality: history, methods, subject]. In: *Sovremennye psikhotehnologii v obrazovanii, biznese, politike* [Modern Psychotechnologies in Education, Business, Politics]. Moscow: [s.n.]. pp. 99–101.
8. Cordesman, A.H. (2017) *Global Trends in Terrorism: 1970–2016*. [Online] Available from: https://csiswebsiteprod.s3.amazonaws.com/s3fspublic/publication/170828_global_terrorism_update_0.pdf (Accessed: 09.09.2024).
9. McCauley, C. & Moskalenko, S. (2008) Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism. *Terrorism and Political Violence*. 3 (20). pp. 415–433. doi: 10.1080/09546550802073367
10. Yashlavskiy, A.E. (2020) Ul'trapravyy terrorizm na Zapade v XXI v.: tendentsii i osobennosti [Ultra-right terrorism in the West in the 21st century: trends and features]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 12 (64). pp. 5–14. doi: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-5-14

11. Gayvoronskaya, I.B., Fomina, T.F. & Amanzholova, B.A. (2020) Verbovka v ekstremistskie i terroristicheskie organizatsii posredstvom seti Internet [Recruitment into extremist and terrorist organizations via the Internet]. *Psikhologiya i pravo*. 4 (10). pp. 152–165. doi: 10.17759/psylaw.2020100411
12. Akhmedshin, R.L. (2018) Prevention of terrorist activity: Criminological, criminal procedural and criminalistic aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 437. pp. 197–204. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/437/28
13. Anan'in, O.Yu., Bazulina, A.A. & Zhulanov, A.V. (2022) Verbovka molodezhi v terroristicheskie organizatsii posredstvom sotsial'nykh setey: problemy profilaktiki [Recruitment of young people into terrorist organizations through social networks: problems of prevention]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 5. pp. 290–295. doi: 10.24412/2414-3995-2022-5-290-295
14. Pazukhina, S.V. (2023) Psikhologicheskie osnovy psikhologo-pedagogicheskoy profilaktiki ekstremizma i protestnogo povedeniya v molodezhnoy srede [Psychological foundations of psychological and pedagogical prevention of extremism and protest behavior among young people]. *Psikhologiya i pravo*. 2 (13). pp. 206–223. doi: 10.17759/psylaw.2023130215
15. Berkovich, O.E., Matreshina, E.B. & Romanova, D.M. (2023) [Psychological features of counteracting recruitment into sabotage and reconnaissance groups and terrorist organizations]. *Aktual'nye voprosy prava, ekonomiki i upravleniya* [Current Issues of Law, Economics and Management]. Proceedings of the 5th All-Russian Conference. Ulyanovsk. 21 April 2023. Cheboksary: ID "Sreda". pp. 252–254. (In Russian).
16. Karpova, A.Yu. et al. (2020) Izucheniye protsessa onlayn-radikalizatsii molodezhi v sotsial'nykh media (mezhdistsiplinarnyy podkhod) [Studying the process of online radicalization of youth in social media (interdisciplinary approach)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3. pp. 159–181. doi: 10.14515/monitoring.2020.3.1585
17. Palekha, E.S. & Galieva, R.O. (2016) [Psycholinguistic markers of religious and political deviations]. *Al'manakh Kazanskogo federal'nogo universiteta. Psikhologiya deviantnogo povedeniya: mezhdistsiplinarnye issledovaniya i praktika* [Almanac of Kazan Federal University. Psychology of deviant behavior: interdisciplinary research and practice]. Proceedings of the 1st International Research School. Kazan. 26–27 May 2016. Kazan: Kazan State University. pp. 45–50. (In Russian).
18. Galieva, R.O. & Palekha, E.S. (2019) Predposylki radikalizatsii i вовлечения uchashchiesya molodezhi v deyatelnost' terroristicheskikh organizatsiy [Prerequisites for radicalization and involvement of student youth in the activities of terrorist organizations]. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal*. 3 (134). pp. 108–114.
19. Doidge, N. (2024) *Plastichnost' mozga. Potryasayushchie fakty o tom, kak mysli sposobny menyat' strukturu i funktsii nashego mozga* [The Brain That Changes Itself: Stories of Personal Triumph from the Frontiers of Brain Science]. Translated from English. Moscow: Bombora.
20. Engalychev, V.F. et al. (2022) The value of humanitarian expert appraisal in legal psychology and criminalistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 244–251. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/26

Информация об авторах:

Галиев И.Ш. – директор Казанского филиала Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (Казань, Россия); младший научный сотрудник Научно-экспертной лаборатории Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: Ildar.Galiev@tatar.ru

Енгальчев В.Ф. – д-р психол. наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия). E-mail: valiyen@gmail.com

Палеха Е.С. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Научно-экспертной лаборатории Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: katerina.paleha@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.Sh. Galiev, director, Kazan Branch of the Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research (Kazan, Russian Federation); junior research fellow, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: Ildar.Galiev@tatar.ru

V.F. Engalychev, Dr. Sci. (Psychology), professor, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski (Kaluga, Russian Federation). E-mail: valiyen@gmail.com

E.S. Palekha, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: katerina.paleha@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.12.2024;
одобрена после рецензирования 18.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.*

*The article was submitted 12.12.2024;
approved after reviewing 18.02.2025; accepted for publication 28.02.2025.*